Колдовские Миры
КИРЫ ИЗМАЙЛОВОЙ

С феями шутки плохи

Чудовища из Норвуда

Кира Измайлова

Чудовища из Норвуда

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
И37

Разработка серийного оформления *А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *Е. Соловьевой*

Измайлова, Кира Алиевна.
И37 Чудовища из Норвуда / Кира Измайлова. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Колдовские миры Киры Измайловой).

ISBN 978-5-699-95379-0

Холодной зимней ночью путник сбился с дороги. На его счастье, он наткнулся на заброшенное поместье, где — о чудо! — нашел кров и стол. Но, конечно же, уезжая, сорвал заветный цветок... Кто же приедет в это страшное место вместо незадачливого торговца? Которая из трех дочерей? Или вовсе не дочь?.. И что ждет ту, кто решит занять место провинившегося?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95379-0

© Измайлова К.А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Тем холодным зимним вечером мы с девочками вышивали при свечах, прислушиваясь, как воет вьюга снаружи. Анна — была ее очередь читать вслух — то и дело отвлекалась от рассказа и умолкала.

— Какая ужасная непогода, — в который раз сказала Диана и отобрала у сестры книгу, взамен всучив ей свое рукоделие. Испортить его еще сильнее было уже невозможно, так что я сделала вид, будто ничего не заметила. — Как-то там папа в дороге?

— Думаю, у вашего отца хватило благоразумия на то, чтобы переждать метель на постоялом дворе, — ответила я, хотя сильно в этом сомневалась.

Буря поднялась после полудня, а в это время Манфред должен был быть на полпути к дому. И если он не повернул назад (а это навряд ли!), то пурга застала его в лесу... Хорошо, если найдется какое-нибудь укрытие, а если нет? Кони у него, конечно, хорошие, возница умелый, повозка новая, но, бывало, путники замерзали в часе езды от родного дома!

— Идемте-ка спать, — сказала я, отогнав эти мысли, — и не нужно думать о дурном. Помолитесь-ка лучше, чтобы отец вернулся домой живым и невредимым! И вот увидите, он приедет поутру и посмеется над вашими страхами...

Не знаю, быть может, девочки молились с недостаточным усердием, а может, это я сглазила, да только Манфред не приехал поутру. Не объявился он и на другой день, и на третий, а потом в наши ворота постучался лесник и, комкая в руках шапку, сказал, что нашел в лесу загрызенного волками коня, похоже, нашего — у Манфреда была приметная пара, он любил пегих лошадей (и то, таких красть не станут, поди сбудь с рук!). Постромки были оборваны, видно, конь ухитрился удрать, да спастись не сумел: завяз в сугробе, запутался поводом в кустарнике, а тут и волки подоспели... Куда подевался второй упряжной конь, возница с повозкой и сам Манфред, лесник не знал: снег замел все следы. Теперь хорошо, если по весне удастся сыскать их кости, добавил он.

Лесник ушел, а я постояла молча на пороге и вернулась в дом. Если Манфред погиб, нам с девочками придется туго... Я кое-что смыслила в его делах, но одно дело торговец-мужчина с хорошей репутацией, и совсем другое — молодая женщина! Я знала нескольких купчих, но все они зарабатывали себе имя долго и тяжело, потому как, даже если покойный муж был удачливым и умелым торговцем, никто не верил, что вдова сумеет удержать дело на плаву и даже преуспеть!

Наши дела обстояли не так уж плохо: у всех девочек имелось приданое, больших долгов за Манфредом не числилось (если, конечно, он ничего от меня не утаил), а известные не так сложно было покрыть, и еще осталось бы на жизнь. Правда, пришлось бы умерить траты, и очень серьезно, распродать лошадей, корабли и товар со складов, но об этом пока думать было рано. Сперва неплохо было бы обезопаситься

от партнеров Манфреда и его ушлых управляющих, выполнить набранные им заказы и отказаться от тех, за которые деньги не взяты вперед, либо же вернуть задаток.

Вот так дела... Никогда я еще так не радовалась тому, что Манфред с полгода назад свалил на меня ведение приходно-расходных книг, оплату счетов и прочее... Дело скучное, трудоемкое, но необходимое, и я живо научилась подводить баланс и ругаться с поставщиками! Думаю, они и не знали, что пишу им я, а не Манфред! Мне же он доверял куда больше, чем нанятому счетоводу, отчетов никогда не спрашивал, разве что спервоначалу, дом позволял вести так, как мне было угодно, лишь бы девочки ни в чем не знали отказа...

Словом, имелась у меня кубышка на черный день: сберечь кое-что не так уж сложно, если не разбрасываться деньгами попусту да как следует следить за слугами, которые так и норовят обсчитать! Будто я не знаю, сколько стоит мясо на базаре, и не отличу пашину от лопаточной части, а свежую рыбу от лежалой! Служанки, знаю, за глаза честили меня повсякому, но признавали, что жалованье я им выдаю вовремя, кормятся они с господского стола, а наказаний особых не знают. Ну разве что за воровство сразу отправляются за ворота, но тут уж... если сама себе не враг, красть хозяйское не станешь.

А я... Что — я? Когда в доме три дочери на выданье и за каждой нужно дать достойное приданое, поневоле приучишься беречь деньги. И то — девочки слыли завидными невестами, перебирали женихов. А для двух старших Манфред уже присмотрел достойных людей. Младшей, он считал, можно еще посидеть в

девицах да подрасти, а то у нее одни сказки в голове. Хорошая жена, говорил он, должна быть вроде меня: чтобы и хозяйство на нее можно было оставить, когда сам в отъезде, и воспитание детей доверить, и знать, что за спиной у тебя надежная стена. А что до наружности, так с лица воду не пить: посмотреть хоть на жен его подельников — одна косая, другая рябая, третья поперек себя шире, однако ж мужья на них не нарадуются. Если же девица мало того что в хозяйственных и денежных делах смыслит, да еще и с приданым, да собой хороша, так это и вовсе лакомый кусок, любой с руками оторвет и в ножки поклонится!

Ну, что и говорить: Анна с Дианой, хоть и не любили цифирь, но разбираться в ней научились, помогая мне со счетами. И письма деловые я их заставляла переписывать, так что они живо запомнили, к кому как обращаться да как сообщать о своей надобности. Только с Летти не было никакого сладу: то изрисует черновик бабочками-цветочками или женскими головками с замысловатыми прическами, то разольет чернила, то заявит, что это все скучно и лучше она почитает нам вслух... Я только на то и уповала, что с возрастом эта блажь у нее пройдет! А нет, так и ладно: с ее приданым будущий муж на руках ее носить станет, а для скучных дел управляющие имеются. Выдать бы ее замуж, а дальше — не моя забота!

Так я думала, пока распоряжалась насчет завтрака и будила девочек. Им я сказала, что Манфред, должно быть, решил переждать метель — она все не прекращалась, — и объявится, как только она закончится и можно будет пробраться сквозь снежные заносы. Я полагала, что других вестей можно не ждать еще

несколько дней, а потом... потом придется сообщить девочкам печальную новость.

А ночью в дверь постучали... Я не спала — меня донимала бессонница, я все думала, как жить дальше, да подсчитывала расходы, — поэтому накинула шаль и спустилась вниз. Пока еще проснутся слуги, гость может замерзнуть у наших дверей!

Манфред не переступил порог, он просто упал через него, и я едва сумела удержать его и усадить на скамью. Что и говорить, есть он мог бы и поменьше...

На нем лица не было, он все пытался что-то сказать, хватаясь за мои руки ледяными пальцами, но я, убедившись, что Манфред не ранен, кровью не истекает и умирать сию секунду не собирается, велела ему умолкнуть и снять промерзшую одежду, а сама вышла на двор и разбудила конюха. Манфред вернулся на втором пегом, без седла, подложив только какую-то тряпку, и у бедного жеребца наверняка была сбита спина! И то, это же не верховой конь, а упряжной, он не привык к всаднику, да еще такому упитанному...

Правда, конюх после беглого осмотра (да что там можно было разглядеть, снег шел сплошной стеной!) сказал, что ничего коню не сделалось, пару дней отдохнет, подкормится и будет лучше прежнего, да и увел его в конюшню обихаживать, ну и кормить-поить, ясное дело, как остынет.

У Манфреда дело застопорилось на втором сапоге. Кажется, он окоченел настолько, что у него не гнулись пальцы, и мне пришлось ему помогать. Коекак дотащив его до спальни, я стащила с него одежду, крепко растерла шерстяной тканью, — вроде бы он не обморозился, и на том спасибо! — налила ему вина и спустилась на кухню. Огонь в печи еще не по-

гас, и я, растолкав двух служанок, велела им нагреть воды и натаскать наверх несколько ведер — Манфреда нужно было как следует согреть, чтобы не заболел. Да не шуметь при этом, чтобы девочки не проснулись!

Говорить он пока не мог, у него зуб на зуб не попадал от холода. Правда, после вина и закуски Манфреду стало легче, а когда он окунулся в теплую воду, то и вовсе разомлел.

— Ну и где же тебя носило? — поинтересовалась я, присев рядом на скамейку. Прикрыться он даже не подумал, ну да чего я там не видела?

— Лучше не спрашивай, — пробормотал Манфред, стуча зубами. Я подлила ему кипятку. — Я угодил в такой кошмар, какой и во сне не приснится! Знаешь, вроде тех сказок, до которых Летти охоча...

— Ты головой не ударялся? — спросила я и пощупала его лоб. — Жара тоже вроде бы нет. Говори толком!

— Толком... — Он протянул руку, и я подала ему стакан. Служанка успела подогреть вино со специями, и Манфреду становилось лучше буквально на глазах. Я тоже вознаградила себя парой глотков — нервы у меня все-таки не железные. — Ну, слушай...

Как я и предполагала, Манфреду хватило ума не пережидать начинающуюся метель в тепле и безопасности, а поехать дальше — авось пронесет, в лесу не так страшно... Как же! Не пронесло, а занесло, кони встали, возница пошел разведывать дорогу да не вернулся... А тут еще поблизости завыли волки!

Ну тут уж Манфред схватил самое ценное — мешочек с деньгами, теплую меховую полость и шубу, кое-как обрезал постромки и взгромоздился на од-

ного из упряжных коней. Второго он думал вести в поводу, да только тот вырвался и убежал, на свою беду, испугавшись волков. Тот, которого оседлал Манфред, тоже понес с перепугу, и всадник не свалился только чудом!

Должно быть, пегого вело звериное чутье: не видя ничего вокруг от ужаса, он несся сквозь зимний лес не разбирая дороги, но ухитрился не переломать ноги и выбраться на дорогу прямо у незнакомого поместья. Ворота были закрыты, но не заперты, и Манфред вломился туда, не думая даже, что может сделать с ним владелец за такое вторжение. Ворота завязал куском повода, а сам пошел к дому, надеясь, что ему позволят хотя бы дождаться утра, а не выгонят в ночную стужу...

Поместье оказалось пустым, неухоженным, но явно не заброшенным. Манфред оставил коня в сарае, лишь бы укрыть бедное животное от ветра и снега, а сам пошел в дом — искать хозяев и слуг.

Удивительно: внутри никого не оказалось, однако в гостиной пылал камин, горели свечи, а на столе сами собой появились яства... Разумеется, Манфред не удержался! Он всегда был любителем поесть, вот и заморил червячка. Правда, сказал он, стол был накрыт на одного, но хозяин все не шел, слуги тоже не показывались, а есть хотелось так сильно!

Поужинав, Манфред побродил по дому, никого не нашел, сходил проведать коня — тот уже был вычищен и доедал отборный овес из кормушки! — да и прилег в первой попавшейся комнате. И заснул, понятное дело, и спал сном младенца...

Наутро же он обнаружил подле кровати новую одежду, на столе же его ждал завтрак. Манфред по-

дивился такому гостеприимству, поблагодарил хозяина вслух, поел от души да решил отправляться в путь. И вот, проезжая парковой аллеей (он еще подивился — за оградой воет ветер и злится вьюга, а в парке снег падает мягкими хлопьями), Манфред увидел розовый куст. Розы среди зимы — это диковина, и он подъехал ближе, чтобы рассмотреть получше...

— Ты же помнишь, я обещал дочерям привезти им, что пожелают, — проговорил он, а я ответила:

— Я всегда говорила тебе, что ты слишком их балуешь!

— Да, конечно... — Манфред тяжело вздохнул. — Так или иначе, но головной убор для Дианы я раздобыл за морем. Купил у собирателя древних вещей, он сказал, такие рогатые короны носили жрицы Луны... И зеркало для Анны я нашел — редкой чистоты стекло, даже мое отражение в нем выглядит лет этак на десять моложе! Это все осталось при мне, но редкий цветок для Летиции все никак не попадался. Вернее, я купил один, но он завял по пути, должно быть, не вынес холода...

Он жестом попросил подлить еще горячей воды. Но ведра тоже уже остыли, и Манфред с кряхтением принялся выбираться из ванны. Я подала ему полотенце и стала слушать дальше.

— А тут этот куст, — проговорил он, одеваясь, — как нарочно подвернулся! Я обрадовался и сорвал розу. Откуда мне было знать, что хозяин так трясется над своим садом!

— Подумать, откуда бы взяться цветущему розовому кусту в это время года, ты, конечно, не мог, — усмехнулась я, помогая ему надеть теплый халат.

— Да я мечтал поскорее убраться оттуда! — вздохнул Манфред, завязывая пояс. — Решил, сорву цветок, Летти этого будет достаточно. А то нехорошо выйдет, что старшим я подарки привез, а ей ничего не досталось... Ну и сорвал...

Он передернул плечами и понурился.

— Ты не поверишь, Триша... Ты никогда не верила в чудеса, — сказал он наконец. — Но только я чуть на месте не умер, когда передо мной появилось чудище и заявило, что убьет меня... Я, дескать, испортил его любимый розовый куст! Это так я отплатил за гостеприимство!

— Таблички нужно вешать, как в дворцовом саду, — вставила я, — помнишь, мы видали?

— Вот и я так сказал, — хмуро ответил Манфред и допил остывшее вино. — Но поди убеди тупого зверя... Он заявил, что за этот клятый цветок я расплачусь жизнью, и я едва умолил его дать мне немного времени, чтобы проститься с вами. Я думал просто остаться дома, а то и уехать подальше, но монстр сказал, что если я нарушу обещание, то умру жестокой смертью, где бы я ни был, а потом умрут все мои родные... И добавил, что любая из моих дочерей может занять мое место, и ей ничто не будет угрожать, она станет жить в довольстве и праздности...

Воцарилось молчание.

— Я решил, что должен хотя бы рассказать об этом... — Манфред просительно посмотрел на меня. — Триша, ведь можно же что-нибудь придумать? Молитвы, думаю, не помогут, но если показать то поместье охотникам...

— Эх ты, глупец, — ответила я. — Если на том доме сильное заклятье, то никакие охотники его не

найдут, если хозяин не позволит. Ты попал туда случайно, а по чужой злой воле никто туда не войдет, если только его не впустит кто-то изнутри... И не смотри на меня так! Я вынуждена слушать весь тот бред, что читает Летти! Но, должна сказать, в нем есть зерно истины.

— Утешила, ничего не скажешь, — мрачно произнес он. — И что же теперь делать?

— Если ты расскажешь об этом девочкам, уверена, Летти с радостью займет твое место, — сказала я.

— Вот именно... — Манфред ссутулился. — Я не могу не вернуться, но если я окажусь заперт в том поместье или умру, что станет с дочерьми? И отпустить одну из них не могу тоже, кто знает, на что способно это чудовище?!

— Манфред, — сказала я и сняла забрызганный фартук. — Давай ты не будешь притворяться? Я слишком хорошо знаю тебя, меня ты не обманешь... Ты хочешь, чтобы твое место заняла я, ведь так?

Он молча кивнул, не смея взглянуть мне в глаза.

— Ну что ж... — Я положила аккуратно свернутый фартук на скамью. — Значит, так тому и быть. Надеюсь, без меня дом не зарастет грязью, а ты не разоришься.

— Триша...

— Ничего, Манфред, — вздохнула я. — Это по меньшей мере интересно...

— Триша, там горы золота, — выговорил он отрывисто. — Этот монстр прислал целый сундук сюда, он должен быть у дверей, сходи проверь... С таким приданым мы смогли бы найти девочкам такие партии!

«Купить им мужей-аристократов из тех, что победнее, — закончила я мысленно. — Или купцов из тех, что побогаче».

— И ты не можешь доверить кому-то из девочек добычу этого золота, верно я тебя поняла?

— Конечно. Они же совсем дурехи, а старшие еще и не согласятся... Летти это тем более поручать нельзя, ты сама знаешь, какой ветер у нее в голове!

— Хорошо, — мне стало смешно, — а меня ты кем намерен выставить?

— Как и было сказано — членом моей семьи, — серьезно сказал Манфред. — Если ты откажешься, я не стану тебя винить, ты не обязана отвечать за мою глупость. Главное, позаботься о девочках, я оставлю тебе доверенности, деньги, все!

Я молчала. Конечно, соблазнительно было ответить отказом и заполучить в свои руки солидные средства, самой распорядиться судьбами девочек... Но я прекрасно понимала, что дело Манфреда не потяну, деньги скоро закончатся, а когда я выдам племянниц замуж и останусь одна, мне едва хватит средств на скромный домик где-нибудь в предместьях! Вряд ли сундуки с золотом станут появляться каждую неделю, а какой может быть заработок у одинокой женщины? Шью я умело, но портних и швей и так хоть отбавляй, а чем еще заняться? Огорода, курятника да пары коз хватит только на то, чтобы не умереть с голоду. Может, кто из девочек возьмет меня к себе, если позволит муж, но, признаюсь, мне порядком опостылело быть приживалкой!

Отчего я так легко поверила в эту сказку? Это просто: Манфред всегда терпеть не мог подобные истории, у него попросту не хватило бы воображения,